

ЧЕЛОВЕК 26 ЛЕТ ИЩЕТ ШАНС ЗАЦЕПИТЬСЯ ЗА ЖИЗНЬ

С нами происходит странная и страшная вещь: мы перестаем удивляться. Под внезапными ударами все усложняющейся жизни лишь горько усмехаясь, втягиваем голову в плечи, уходим в себя. Мы отгораживаемся от чужих проблем, перестаем чувствовать чужую боль, и это, увы, понятно: если все пропускать через себя, можно просто сойти с ума — столько вокруг этой боли. И все же я рискован, читаемый. Я попробую достучаться до твоего сердца, вне зависимости от того, беден ты или богат, честен или не очень. Я считаю, что есть вещи абсолютно важные для каждого. Переступив через них, мы перестаем быть людьми...

Юноше — 26 лет. Зовут его Женя. Женя от рождения глух. До 16 лет воспитывался в интернате, закончил спецшколу. Папы у Женя нет давно, но еще совсем недавно были бабушка и мама. Мама, сколько он себя помнит, всегда крепко пила, и потому он, насмотревшись на это, до последнего времени не брал в рот ни капли. У бабушки была двухкомнатная кооперативная квартира на проспекте Маршала Жукова. Здесь они и жили втроем. Женя закончил спецПТУ и работал на каком-то электронном заводе. Мама по-прежнему пила, а бабушка, что называется, хранила домашний очаг.

Весной прошлого года бабушки не стало. Женя к тому времени был уже уволен с завода по сокращению и жил на мизерную пенсию. Мама по-прежнему пила, не обращая на него никакого внимания. Вскоре у них в квартире появился молодой человек по имени Саша. После первого знаком-

ства он сразу же предложил женойной маме продать квартиру. Долго уговаривать она себя не заставила, 14 июля подписала все необходимые документы.

А 16 июля неожиданно умерла в гостях у подруги, где, кстати, в это время находился и Саша. Последний проявил активность, побеспокоился о кремации и прочих положенных в этих грустных обстоятельствах вещах. Потом приехал к Жене и на пальцах объяснил, что от него требуется. Требовалось от него как от единственного оставшегося в живых владельца квартиры согласие на ее продажу. Саша уверял Женю, что все делается в его же интересах: на полученные деньги он купит себе однокомнатную, и еще останется на жизнь... Годы, проведенные в интернате, а потом «под крылом» у бабушки и житейским делам Женю приспособили плохо, и потому он согласился, даже не вполне одобряя, что делает.

Покупка, между прочим, оформлялась не на Сашу, а на какую-то постороннюю женщину. Но деньги — 17 тысяч долларов — она передала Саше.

— Не волнуйся, — успокоил он Женю, засовывая пачку долларов в карман, — на 10 тысяч купим тебе квартиру, будешь жить, как король.

В ожидании покупки Саша вывез Женины вещи из квартиры и сгрузил их в какой-то подвал, где жили два бомжа.

— Поживи здесь немножко, пока я подберу тебе вариант, — сказал он ему.

Первое время он еще появлялся, а потом исчез, как в воду канул. Женя попытался его найти, но оказалось, что квартира уже перепродана, туда въехала семья, которая знает ничего не знает.

Бомжи терпели Женю недолго. Сначала пропили его телевизор и ковер, а потом избил и выкинули на улицу. Увы, в огромном городе у глухого 26-летнего парня не было никого, кому бы он мог просто обратиться за помощью. И тогда он поехал к одному из тех, с кем учился в интернате. Инвалид I-й группы, товарищ жил на другом конце города вместе с пенсионеркой — матерью Мариной Николаевной. В интернате она бывала часто, дети ее знали и любили, и Женя был уверен, что прогнать она его не сможет.

Конечно же, не прогнала. Накормила, обогрела, дала что

могла из одежды. Но дальше-то что? Ведь сама же еле-еле сводит концы с концами. Марина Николаевна стала выяснять — оказалось, в интернаты берут только старых и малых, да и то почему-то преимущественно женского пола. На работу устроиться у Жени шансов — ноль: здоровых-то людей сколько на улице оказалось. Услышали где-то, что вроде бы в Тихвине Кировский завод специальное производство для глухих организовал, требуются работники. Утром Женя взял все свои документы, отправился на Кировский завод. Там очень удивились — в Тихвине, оказывается, тоже 40 процентов народа сократили...

Пошел Женя несолоно хлебавши. На обратном пути заехал в свое бывшее почтовое отделение за пенсией. Почтальон, носившая ее, уже ушла на участок, и Женя ждал ее до вечера. Получив наконец тоненькую пачку купюр, зашел в магазин за сигаретами. Вынул деньги, отсчитал, сунул сдачу в нагрудный карман рядом с документами. На улице его схватил за рукав какой-то парень. Женя обернулся и получил страшный удар в лицо. Он упал, и его избивали уже на земле. Вернулся домой весь в синяках, без денег и без документов.

В милиции, куда он пришел восстанавливать паспорт, его успокоили: давай фотографию, и через 10 дней паспорт будет готов. Потом оказалось, что это

невозможно: прописки-то нет! После долгих мытарств выдали наконец справку с фотографией! И то благо: можно хоть пенсию получить.

Но дальше — тупик. Марина Николаевна, добрая душа, тянет из себя последние жилы, чтобы прокормить двоих инвалидов — одного своего, другого чужого. Государству нашему, решающему проблемы глобальные, разумеется, сейчас не до Жени. Но государство-то все же состоит из людей. Ну не может же быть, говорит Марина Николаевна, чтобы хоть кто-то не откликнулся, не пожалел. Увы, оказывается, что права нигде не прописанного и нигде не работающего Жени не защищены ни одним законом. Кроме разве что Конституции, декларирующей всеобщее равенство. Но ведь есть, как говорили в старину, и высший закон — человеческая совесть. Где же она, в какие черные дыры провалилась!

Откликнитесь, народные избранные, с высокими трибунами вещающие о спасении Отечества!

Откликнитесь, нувориши-бизнесмены, бросающие миллионы на роскошные презентации и банкеты!

Откликнитесь, помогите несчастному парню, ведь вам же это — раз плюнуть!

Или вы еще более глухи, чем он?

М.РУТМАН